

Нужно ли голосовать и как голосовать?

Зачем участвовать в выборах?	1
Участие в выборах с точки зрения морали	2
Бойкот выборов – самообман	3
Где Махатма Ганди, и где Государственная Дума	3
Участие в выборах и стратегия оппозиции	4
Можно ли чего-то добиться «бойкотом» выборов?	5
Чего можно добиться голосованием?	6
Не надо бояться, что ваш голос украдут!	7
Есть ли за кого голосовать?	8
Результаты выборов и итоги голосования – что важнее?	9
О распределении мандатов и «перераспределении голосов»	11
Как голосовать по партийным спискам?	12
И снова о том, есть ли за кого голосовать	13
Как голосовать по одномандатным округам?	14

Материал создан и распространяется членом совета движения «Голос», внесенного под № 1 в реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функцию иностранного агента.

После такого «предисловия» хочется отметить, что мне кажется забавным: человек с клеймом «иностранного агента» пытается убедить сограждан принять участие в выборах. О том, что я буду стараться убедить читателя именно в этом, я думаю, те, кто меня давно знают, не сомневаются с самого начала.

Зачем участвовать в выборах?

Я всегда был противником того, что многие называют «бойкотом» – позже я объясню, почему это слово помещаю в кавычки. Впрочем, в нашей истории были и более изощренные попытки протестных действий. Например, десять лет назад многие вполне уважаемые люди увлеклись идеей «Нах-Нах», активно ее пропагандировали. Тогда я написал целую серию статей и против «бойкота», и против «Нах-Нах» – и не только я об этом писал. Я тогда еще сделал подборку ссылок¹ на свои публикации и статьи своих единомышленников (Григорий Голосов, Александр Кынев).

Теперь про «Нах-Нах» уже никто не вспоминает, ибо та кампания полностью провалилась. Но вновь звучат призывы к «бойкоту». И я вновь чувствую необходимость разъяснять гражданам очевидные для меня вещи.

При этом я – не пропагандист. Я не хочу агитировать, я хочу именно разъяснять. Каждый все равно будет принимать решение самостоятельно. Но, увы, очень многие люди принимают решение на основе эмоций, на основе ложных представлений. Да и, что греха таить, не делать что-либо обычно легче, чем делать, а обосновать неделание все мы мастера. Так что моя задача – привести аргументы, основанные на моем теперь уже тридцатитрехлетнем опыте анализа выборов.

Итак, зачем участвовать в выборах?

Самый простой и самый точный, на мой взгляд, ответ: *участие в выборах – самый эффективный и самый безопасный способ донесения своей политической позиции. До кого? До всех – до власти, до общества, до своих единомышленников и оппонентов.*

Разумеется, это касается тех, кто имеет позицию. Если человеку безразлично, кто и как управляет его страной, его регионом, его городом – такого я не буду убеждать идти на выборы. Хотя власть таких как раз и старается привлечь к голосованию, иногда пирожками, иногда угрозами, иногда и тем, и другим.

---

¹ <http://www.votas.ru/experts.html>

Если человеку не безразлично, но он не может понять, за кого голосовать – это поправимо. Нужно дать ему в руки ключ к решению этого вопроса. Но это уже другая задача.

Я знаю, что не все коллеги согласны с моим главным тезисом. Не так давно у меня даже был на эту тему спор. Один из моих ближайших коллег пытался убедить меня, что способ этот не самый эффективный. Но не убедил.

Я ведь веду речь о рядовых гражданах, о миллионах избирателей. Конечно, есть десятки, сотни людей, которые могут выступить хотя бы по радио (а если повезет – и по телевизору), написать статью, которую прочитают десятки, а то и сотни тысяч человек. И это для них будет более эффективно, чем опустить бюллетень в урну. Хотя большинство этих людей не брезгают и опусканием бюллетеня.

А какие возможности есть у миллионов граждан? Участие в выборах – это действительно способ выразить свою позицию. А что еще? Да, участие в массовых акциях – митингах, шествиях и т.п. Но мы ведь знаем, что по ряду причин в них никогда не участвует слишком много людей. Помню самые многочисленные шествия 1990–1991 годов, больше 700 тысяч они не собирали.

Про безопасность я уже не говорю. Даже участие в согласованных акциях может иметь негативные последствия, а в несогласованных и подавно.

Так что для миллионов рядовых граждан альтернатива одна: или они участвуют в выборах, тем самым выражая свою политическую позицию, или они сидят дома, и их позиция останется при них. Ее никто не узнает, кроме кухонных собеседников.

Я знаю, что есть много аргументов против этой моей позиции, против участия в выборах. В последующих статьях я постараюсь их разобрать. И есть более практический вопрос: как выразить свою позицию в конкретных условиях. И когда вариантов выбора слишком много (или кажется, что слишком много). И когда выбора нет (или кажется, что нет). Это тоже тема для большого разговора.

Участие в выборах с точки зрения морали

Перейдем теперь к аргументам тех, кто призывает к «бойкоту». Эти аргументы можно разделить на две группы: 1) те, которые основываются на прагматических соображениях; 2) те, которые апеллируют к морали и неким абстрактным ценностям. В этой статье я разберу аргументы второй группы.

Десять лет назад я уже писал на эту тему в статье «Мораль и участие в выборах»². Здесь имеет смысл процитировать некоторые фрагменты той статьи:

«В дискуссиях на тему “Что делать на этих выборах” сторонники бойкота и порчи бюллетеней очень часто апеллируют к морали. Мол, аморально голосовать за “системные” партии. Не надо легитимизировать нечестные выборы. Нельзя садиться “играть с шулерами”. Не надо “участвовать во лжи”».

Все эти избитые штампы действуют на людей. Хотя это в основном софизмы.

С моей точки зрения, моральная ответственность за бездействие такая же, как и за действия...

Можно не играть с шулером, если в результате игра не состоится. А если кто-то все равно сыграет за тебя – и тебя со стопроцентной гарантией объявят проигравшим? И не только тебя, но и тех, кто пытался бороться с шулером, но без твоей помощи не смог с ним справиться...

Участвовать во лжи, с моей точки зрения, – это распространять лживые и панические слухи, что все заранее предрешено, что все “нарисуют” так, как захотят... Участвовать во лжи – это в том числе и давать фальсификаторам возможность проголосовать за себя – именно то, что делают сторонники бойкота.

А участие в выборах – это не “участие во лжи”, а борьба с ложью!»

---

² <http://votas.ru/moral.html>

По поводу того, что «все “нарисуют” так, как захотят», у меня будет отдельный раздел. А пока продолжим разбирать аргументы, основанные на абстрактных понятиях. Очень старый и избитый аргумент – о легитимизации нечестных выборов.

Есть такое ошибочное представление, что чем выше явка, тем легитимнее выборы. На самом деле явка – лишь один и отнюдь не самый главный показатель легитимности выборов. Иначе самыми легитимными были бы выборы в СССР, где официально явка составляла 99,95%.

А если посмотреть на вопрос с другой стороны, то неучастие в выборах оппозиционно настроенных избирателей укрепляет миф о всенародной поддержке «партии власти». Вот, скажем, в 2011 году «Единая Россия» получила 49,3% от числа избирателей, участвовавших в голосовании, и было понятно, что она не имеет поддержки большинства. А в 2016 году у нее стало 54,2%. И создалась иллюзия, что поддержка единороссов выросла. На самом-то деле она снизилась: в 2011 году у нее официально было 32,4 млн голосов, а в 2016 году – 28,5 млн. А процент ее повысился именно из-за того, что гораздо больше оппозиционно настроенных избирателей не пришли голосовать.

Таким образом, неучастие в выборах оппозиционно настроенных избирателей легитимизирует победу «партии власти».

Бойкот выборов – самообман

В предыдущем разделе я разбирал аргументы сторонников «бойкота», апеллирующих к морали и абстрактным понятиям. Теперь пора перейти к критике аргументов, основанных на прагматических соображениях. Но прежде я хотел бы объяснить, почему я стараюсь ставить слово «бойкот» в кавычки.

Обычно под бойкотом понимают действия, которые большинство предпринимает против меньшинства. Особенно эффективен бойкот всех против одного, например, когда весь класс объявляет бойкот одному из учеников. Вспомним фильм «Чучело», хотя он нам как раз демонстрирует пример, когда сила духа бойкотируемого оказывается сильнее.

Есть и другие формы бойкота. Например, бойкот товаров. Это когда значительная часть покупателей перестает покупать товары какой-то фирмы, и та в результате терпит серьезные убытки.

Но можно ли называть бойкотом действия меньшинства по отношению к большинству? Особенно в тех случаях, когда большинству, мягко выражаясь, от этих действий ни тепло, ни холодно?

На выборах в Государственную Думу за прошедшие 28 лет явка менялась в широких пределах. Самой низкой она была на последних выборах 2016 года – 47,9%. А самой высокой – в 1995 году, 64,8%. Иными словами, даже тогда, когда в выборах участвовали 43 списка, на любой вкус (включая Партию любителей пива, Союз работников ЖКХ, блоки Джуны, Дикуля, Памфиловой, Говорухина и Рыбкина и т.п.) 35% избирателей выборы проигнорировали. Большинство из них страшно удивились бы, если бы им сказали, что они выборы бойкотируют.

Мы видим, что эта инертная масса (30 – 40 миллионов) за последние годы выросла. И если к ней присоединится еще миллионов 10 тех, кто считает себя политически активными, но думает, что неявкой на выборы они покажут власти кукиш, они в этой массе просто растворятся.

И никого меседжа никому таким образом послать не удастся.

Увы, слишком часто приходится вспоминать стихи русского поэта Георгия Иванова «Мы тешимся самообманами».

Где Махатма Ганди, и где Государственная Дума

Хотел уже было перейти к критике содержательных аргументов в пользу «бойкота» выборов, но чувствую, что бессодержательные аргументы действуют сильнее. И не могу пройти мимо некоторых из них.

Вот один из наиболее активных пропагандистов «бойкота» вдруг вспомнил Махатму Ганди. Якобы «Ганди победил англичан и добился независимости Индии благодаря кампаниям их массового бойкота (конечно это очень упрощенно, но без гандиевского бойкота ничего бы не было)».

Я все надеялся, что какой-нибудь квалифицированный историк даст ответ на эти псевдоисторические реминисценции. Может быть, ответ и был дан, но я его пропустил. И придется отвечать мне, дилетанту.

Впрочем, я когда-то читал книги Джавархарлала Неру. И немного помню, что он писал о кампаниях сатьяграха. Там был целый комплекс действий, включая бойкот английских товаров, отказ от уплаты налогов, отказ от службы в армии и т.п. Бойкот выборов в этом комплексе был явно не на первом месте. И главное в том, что это был именно комплекс, а не что-то единичное. Свести весь гандизм к бойкоту выборов – это чудовищное запудривание мозгов!

И отдельный и очень больной вопрос – о роли кампаний сатьяграха в получении Индией независимости. Если мы внимательно посмотрим на историю, то окажется, что все кампании сатьяграха были непродолжительными. И за примерно тридцатилетнюю историю борьбы за независимость Индии их было немного – три или четыре. Они прекращались по разным причинам, в том числе и из-за того, что целей не удавалось достичь, а побочные эффекты оказывались серьезными.

А вот сколько раз гандисты устраивали бойкот выборов, мне не удалось выяснить. Судя по всему, нечасто, и эффекта это не давало. А вот участие в выборах как раз эффект давало и, пожалуй, как раз участие Индийского национального конгресса в выборах и его победа на них сыграли немалую роль в том, что Индия получила независимость.

Впрочем, тут действительно нужно оговариваться, что свою роль сыграл ряд факторов. И разорение Британии в результате Второй мировой войны, и приход к власти в Лондоне лейбористов. Не надо забывать, что практически одновременно с Индией независимость получили Бирма, Цейлон и Израиль, где не было Ганди и его сатьяграха (а в Палестине были даже террористы, и мне приходилось слышать, что без терактов Бегина не было бы независимости Израиля, но это, конечно, очень субъективное мнение).

И все же я думаю, вряд ли англичане ушли бы из страны и передали власть местным лидерам, если бы эти местные лидеры не подтвердили свою легитимность на выборах.

Вот такие уроки истории.

Участие в выборах и стратегия оппозиции

При обсуждении проблем участия и неучастия в выборах периодически возникают «вечные» вопросы, или, точнее, вопросы стратегические. Это вопросы о целях оппозиции и средствах их достижения.

Понятно, что оппозиция хочет смены власти (иначе она – не оппозиция). А в нынешних условиях большая часть оппозиции хочет и смены режима. Впрочем, это почти одно и то же: нынешний режим выстроен под определенное лицо.

Смена власти может быть либо эволюционной, либо революционной. Понятно, что есть сторонники и первого, и второго пути. Но на самом деле путь, который выберет История, заранее предсказать почти невозможно. И преодоление данной развилки зависит от власти гораздо больше, чем от оппозиции. Лично я предпочел бы эволюционный путь, но я понимаю, что революционный взрыв может произойти помимо нашей воли.

Однако, как это ни покажется странным, стратегия сторонников смены власти в обоих случаях должна быть примерно одна и та же.

Эволюционный путь – это путь исключительно через выборы. Правда, можно себе представить такую линию: мол, пока выборы нечестные, мы их будем бойкотировать, а вот когда придут настоящие выборы, тогда мы развернемся...

Отдельный вопрос: откуда при эволюционном пути придут настоящие выборы? Допустим, по мановению какого-то нового руководителя, пришедшего к власти не совсем

демократическим путем или совсем не демократическим путем. Такой вариант в принципе возможен. Хотя, с моей точки зрения при эволюционном пути более реалистичен вариант, когда выборы постепенно оздоравливаются с каждой новой кампанией. Примерно как это было в 1989–1995 годах, когда выборы 1989 года были еще сильно недемократические, выборы 1990 года – значительно демократичнее, а выборы 1995 года стали, пожалуй, вершиной (1993 год, увы, провал).

Но для того чтобы успешно участвовать в выборах, надо уметь в них участвовать. Надо иметь опыт. И политикам, и избирателям. Политикам нужно учиться находить путь к голове и сердцу избирателей. А избирателям надо учиться выбирать. Само это не приходит.

Раз уж я вспомнил 1989–1995 годы, то вот яркий пример. В конце 1980-х первой организацией, объявившей себя оппозицией, был Демократический союз во главе с Валерией Новодворской. Но они решили бойкотировать выборы и 1989 года, и даже выборы 1990 года. Потом Новодворская не раз участвовала в выборах, но ни разу не имела успех. Она стала блестящим публицистом, но так и не стала успешным политиком. И Демократический союз остался маргинальной организацией. Думаю, что главную роль в таком провале сыграл ошибочный выбор 1989–1990 годов. Их место заняли другие – те, кто не постеснялись участвовать в выборах, не до конца демократичных.

Ну а если рассчитывать на неэволюционный путь?

История нам говорит, что даже в этом случае важнейшее значение имеет предшествующее переломным событиям участие в выборах. Ибо, во-первых, для успеха революции нужен альтернативный центр легитимности. И почти всегда это – выборный орган (исключением может быть религиозный лидер либо представитель бывшей правящей династии). Во-вторых, к власти в этом случае чаще всего приходят люди из этого самого центра альтернативной легитимности.

Господам революционерам нелишне поучиться у Владимира Ульянова-Ленина – независимо от того, как они относятся к его социально-экономическим идеям. Ибо он продемонстрировал успешность в стратегии и тактике. Напомню, что выборы в первую Государственную Думу большевики (как и эсеры) бойкотировали. Но быстро поняли свою ошибку и в выборах трех следующих Дум активно участвовали.

И еще один важный момент, о котором нелишне периодически напоминать. Мы не знаем, сколько времени займет переход к тому режиму, о котором мечтаем. Изменения могут быть быстрыми, но более реалистичный сценарий – долгий. Поэтому не надо иллюзий, что «это есть наш последний и решительный бой». Каждое голосование (как и другие формы политической деятельности) – это наш маленький вклад в будущую победу.

Можно ли чего-то добиться «бойкотом» выборов?

Эту тему я уже частично затронул в двух предыдущих разделах – «Бойкот выборов – самообман» и «Где Махатма Ганди, и где Государственная Дума». Здесь попробую изложить более четко.

В основе прагматических аргументов в пользу того, что обычно называют «бойкотом выборов», лежат утверждения о том, что такой кампанией можно чего-то добиться.

Мол, если много граждан не придут голосовать, то власть испугается и начнет снижать уровень злоупотребления административным ресурсом, и следующие выборы станут не такими безобразными.

Чего же власть испугается? Делегитимизации выборов? В чьих глазах?

В глазах людей с демократическими убеждениями (как внутри страны, так и вне ее) никакое снижение показателя явки не может сравниться по делегитимизационному эффекту с массовым недопуском на выборы популярных оппозиционных политиков. И если власть идет на такие меры, как на нынешних выборах, то может ли ее испугать снижение явки? Тем более что у нее есть способы этот показатель явки повышать

разными полузаконными и совсем незаконными методами, и как раз в условиях «бойкота» это методы работают более эффективно.

Мировой опыт знает разные случаи. И все же случаев, когда бойкот выборов имел успех, крайне мало. И эти случаи мало похожи на российскую ситуацию 2021 года.

Политологи нам говорят, что бойкот выборов может иметь успех тогда, когда для признания выборов состоявшимися требуется преодолеть некий порог явки. Как это было в России до 2007 года. В таких случаях массовое неучастие граждан в выборах может привести к их срыву. В результате чего власть делает соответствующие выводы.

Но российский опыт свидетельствует, что даже в таких условиях бойкот редко бывал эффективным. Да, в ряде случаев выборы срывались, то есть признавались несостоявшимися. При этом иногда удавалось не допустить избрания какого-то одиозного политика. Но уж очень редко бывало, чтобы следующие выборы привели к лучшему результату. А довольно часто следующие выборы (если это были довыборы депутата) просто не проводились, и округ оставался без депутата.

И было еще немало случаев другого рода. Поскольку явка в крупных городах обычно ниже, чем в сельской местности, на выборах в регионах получалось так, что в сельских округах депутатов избирали, а в столице региона выборы срывались. И в результате более продвинутый городской электорат лишался представительства.

А как власть реагировала на срыв выборов? Не помню случаев, когда такой срыв приводил к какой-то демократизации. Обычно после этого принимались меры двух сортов. Во-первых, законодательно снижался порог явки (пока его совсем не отменили). Во-вторых, принимались чисто административные меры по повышению показателя явки – от принудительной мобилизации до прямых вбросов.

Но все это было тогда, когда был порог явки. Но его уже 15 лет как нет. И теперь «бойкотом» выборов добиться чего-то позитивного нельзя даже в теории.

Мы уже давно видим, что власть не волнует низкая явка. Единственное исключение – президентские выборы, но там явка в любом случае довольно высокая, да еще и административные методы по ее повышению работают в полную силу.

А на выборах депутатов – от Госдумы до муниципалитетов – мы чаще всего видим откровенную «сушку» явки. И «бойкот» выборов вполне укладывается в эту административную тактику.

Чего можно добиться голосованием?

Некоторые из моих оппонентов, признавая, что «бойкотом» выборов ничего не добьешься, утверждают, что и от голосования якобы тоже толку нет. Конечно, если думать, что голосование – это волшебная палочка: мол, стоит один раз опустить бюллетень в урну, и все вокруг чудесным образом изменится – то увы, таких чудес не будет. Но таких волшебных палочек в принципе нет, и, чтобы добиться существенных изменений, нужен труд многих лет, а то и десятилетий.

Поэтому надо приветствовать любые, даже небольшие изменения в нужном нам направлении.

Давайте попробуем говорить конкретно. В думских выборах 2016 года приняли участие примерно 52 миллиона российских граждан (здесь и далее я привожу официальную статистику, хорошо понимая, что она не вполне верная). В предыдущих выборах 2011 года приняли участие примерно 66 миллионов. Это для сравнения, чтобы был понятен масштаб вариаций. Дальше будем моделировать ситуации, опираясь на данные 2016 года.

Представим себе, что 52 миллиона – это те, кто в любом случае идет голосовать. И что нам удалось убедить проголосовать еще 3 миллиона (на фоне 14 миллионной разницы между явкой в 2011 и 2016 годах это вполне реалистичное число). Или, что практически то же самое, 55 миллионов собирались голосовать, но сторонники бойкота убедили 3 миллиона остаться на диване.

Явка в обоих случаях изменится на 2,7% (3/110). Такое изменение (как в одну, так и в другую сторону) ровно никого не взволнует. А что с результатами выборов?

Если все эти люди проголосуют за одну партию, которой пророчат, что она не преодолеет 5-процентный барьер, то пророчество не сбудется: партия получит не менее 5,5% и не менее 12 мандатов.

Если все эти люди проголосуют за оппозиционные партии, которые заведомо преодолеют барьер (одну или разные – в данном случае не принципиально), эти партии получат примерно на 6 мандатов больше, а доминирующая партия соответственно на 6 мандатов меньше.

Даже если половина из них проголосует за оппозиционные партии, которые заведомо преодолеют барьер, а другая половина – за одну партию, которой пророчат, что она барьер не преодолеет, те партии получат дополнительно 3 мандата, а эта партия, глядишь, получит именно то, что ей не хватает до преодоления барьера.

И только в том случае, если все три миллиона голосов разобьются между мелкими партиями, и ни одна из них не преодолеет барьер, эти голоса не повлияют на мандаты. Именно так – не повлияют. Все разговоры, что они якобы достанутся доминирующей партии, исходят совсем из другой посылки, из того, что эти голоса могли бы достаться партиям, преодолевающим барьер. Но мы исходим из того, что избиратели могли не прийти голосовать, но пришли и проголосовали «неудачно». Разницы в распределении мандатов не будет, кто хочет, может промоделировать и убедиться.

Но даже если голоса не повлияют на мандаты, нельзя говорить, что они были напрасны. Подробнее я на этом остановлюсь в другой статье, а сейчас – кратко. Даже в этом случае обсуждаемые 3 миллиона голосов приведут к снижению результата доминирующей партии на 2–3%. И это для нее будет гораздо чувствительнее, чем снижение явки.

Я понимаю, что кто-то может сказать: мол, все эти результаты не существенны. Да, есть люди, живущие по принципу «все или ничего». Большинство из них это «ничего» и имеют.

Но мы обычно на Олимпиаде радуемся не только золоту, но и бронзе. И повышение зарплаты или пенсии на 3% – это конечно, мало, но вряд ли кто-то скажет, что это несущественно.

Впрочем, 3 миллиона – это было для примера. А если 6 миллионов (то есть лишь половина от снижения явки в 2016 году по сравнению с 2011-м)?

Отдельно можно говорить о ситуации в округах. Здесь эффекты дополнительной явки могут оказаться совсем нелинейными. То есть небольшое повышение активности оппозиционных избирателей может привести к победе оппозиции в большом числе округов.

Даже если представить, что 3 миллиона распределятся равномерно между 225 округами, это будет по 13 тысяч в каждом округе. На самом деле в крупных городах, где очень много оппозиционно настроенных избирателей предпочитают сидеть дома, должно быть больше.

Давайте вспомним прошлые выборы. Дмитрий Гудков уступил Геннадию Онищенко около 9 тыс. голосов. Оксана Дмитриева проиграла Михаилу Романову немногим больше 9 тыс. И таких случаев немало. А каждая победа «незапланированного» одномандатника – это очень важно. В Думе оказываются депутаты, которые осознают, что победу им принесли избиратели. И руководствуются этим в своей депутатской деятельности.

Не надо бояться, что ваш голос украдут!

Один из наиболее действенных аргументов против участия в выборах – страх перед фальсификациями. Мол, голосуй – не голосуй, все равно твой голос украдут, все равно нарисуют, что хотят...

Нельзя сказать, что дым совсем без огня. Увы, фальсификации на российских выборах – не редкость. И при трехдневном голосовании возможностей для фальсификаций больше, чем при однодневном.

Но все же представления о фальсификациях чаще всего сильно преувеличено. Попробуем здесь разобрать все по косточкам.

1. Регионы регионам рознь. Увы, есть небольшое число регионов, где действительно рисуют, что хотят. И мне трудно жителей этих регионов убеждать идти голосовать. Но, повторю, таких регионов немного, и, я думаю, легко понять, о каких регионах речь. Это там, где явка всегда оказывается выше 90% и у «Единой России» или кандидата – ставленника власти тоже больше 90%.

2. Во многих регионах основные фальсификации осуществляются в сельской местности и маленьких городках, но практически нет фальсификаций в крупных городах, особенно в региональном центре. И это понятно: там и наблюдатели есть, и члены участковой комиссии более критичны и менее зависимы.

3. Есть немало регионов, где масштабных фальсификаций никогда не было. Есть регионы, где они были, но в результате протестов от них отказались (это, например, Москва).

4. Даже когда фальсификации имеют место, их масштаб чаще всего ограничен. И мы неоднократно видели, как побеждают «незапланированные» кандидаты – это наглядное свидетельство того, что «нарисовать что хочется» не получается.

5. В любом случае сейчас все партии и кандидаты, ведущие реальную борьбу, нацелены на контроль за проведением голосования. И мы уже не раз видели, что одно лишь присутствие квалифицированных наблюдателей приводит к отказу от фальсификаций.

6. Фальсификации в основном бывают двух видов – вброс и переброс. В первом случае «партии власти» или ее кандидату добавляют голоса за счет не пришедших избирателей. Во втором – за счет голосов, поданных за другие партии или других кандидатов. Весь наш опыт говорит о том, что фальсификации типа вброса явно преобладают над фальсификациями типа переброса. И наблюдение резко снижает возможности переброса, а возможности вброса снижает в меньшей степени. А это принципиальный момент.

Переброс – это действительно украденные голоса. А вброс приводит к тому, что власть получает больше, чем за нее реально проголосовали, но голоса, поданные за оппозицию, не теряются. И мы (общество, единомышленники) даже в условиях вбросов получаем информацию о том, сколько человек поддерживают ту или иную партию (если они встали с дивана и проголосовали).

7. И последнее. Если вы голосуете, вы рискуете, что ваш голос украдут. Как я отметил выше, в разных регионах риск различный, в некоторых – совсем небольшой. А если вы не голосуете, вы сами гарантированно выбрасываете свой голос в помойку. И одновременно облегчаете его фальсификацию.

Есть ли за кого голосовать?

Начать эту статью мне бы хотелось с цитаты из недавней публикации моего коллеги Александра Кынева³:

«Кстати, очень важный момент, для понимания: откуда берется эта надежда на низкую явку? Она во многом базируется на оболванивании людей, на информационных волнах... Моментально находятся люди, которые пишут в комментариях одно и то же. Все это можно поделить на три группы. Первые пишут, что "голосуй — не голосуй, все равно получишь...". Чтобы понять, что это неправда, достаточно вспомнить 2018 год и выборы губернаторов: Хабаровск, Хакассию, выборы в Московскую городскую думу в

³ <https://www.idelreal.org/a/31444685.html>

2019 году. Да, есть регионы, где фальсификации существенны. Но этих регионов менее трети.

Вторая группа постов о том, что все партии — филиал администрации президента. Это тоже неправда. Если бы это было так, то не было бы исключения Грудинина из списка, не было бы дела Фургала и остальных. Даже системные партии очень неоднородны, внутри них достаточно людей со своей внутренней позицией.

В-третьих, авторы комментариев говорят о том, что выборы вообще не играют никакой роли, что даже победив на них — ничего сделать нельзя, что это игра с шулерами и все бесполезно. Это тоже не так... Власть очень рациональна... Ощущение неприятия ведет к тому, что власть реагирует. Жизнь говорит, что все три базовые отговорки — что все фальсифицируют, что все подконтрольны власти, и что победа оппонентов ничего не изменит — неправда. Большая часть тех, кто это пишет, это боты и тролли. Но кто-то, возможно делает это по наивности».

Я безусловно согласен с Александром и некоторые тезисы хотел бы разобрать подробнее. По поводу фальсификаций я писал в разделе «Не надо бояться, что ваш голос украдут!», по поводу смысла голосования – в разделе «Участие в выборах и стратегия оппозиции». Здесь я попробую подробнее написать о том, что все партии – разные.

Сразу вспоминается 2011 год. Тогда, напомню, выборы были только по партийным спискам (без одномандатников). И в них участвовали всего семь партий. Хорошо помню, как один известный политик (не буду называть его имя, но многие наверняка догадаются) горячо аргументировал, что, мол, нельзя голосовать ни за одну из этих семи партий, поскольку они – системные. А среди них было, в частности, и «Яблоко». Пять лет спустя этот политик оказался в списке партии «Яблоко», и в этот раз он тоже в ее списке.

Хорошо, что некоторые политики осознают свои ошибки и исправляют их. Плохо, что другие эти ошибки повторяют.

Разумеется, администрация президента остается самым сильным игроком на российском политическом поле. И ни одна партия не может с этим не считаться. Ни одна партия не может не идти на компромиссы. А те, кто не идет на компромиссы (или недостаточно, с точки зрения администрации, идет), выдавливаются с политического поля в тюрьму или эмиграцию.

Тем не менее, многие партии в меру своих сил, возможностей и умения борются – в том числе и с администрацией – отстаивая свои идеи, принципы и подходы. Обычно у серьезной партии есть несколько направлений, по которым она резко расходится с политикой нынешней власти.

Все направления я не смогу перечислить, но вот хотя бы наиболее заметные. Против повышения пенсионного возраста. Против социальной политики, ведущей к обнищанию значительной части населения. Против репрессивной политики последних лет. Против загрязнения окружающей среды. Против застоя в экономике.

Сейчас в выборах по партийным спискам участвуют 14 партий. Не всех из них серьезные, но у большинства можно найти хотя бы одно из перечисленных мной направлений. В общем, есть возможность выбирать.

В одномандатных округах баллотируются представители этих же партий (хотя и не во всех все 14), плюс в небольшом числе округов прорвались самовыдвиженцы. Здесь при выборе партийная принадлежность играет главную роль, но важна и личность кандидата. В любой партии есть самостоятельные политики, которые будут отстаивать собственные взгляды и подходы. Так что и здесь есть выбор.

Подробнее о своем взгляде на то, как делать выбор, я напишу в следующих разделах.

Результаты выборов и итоги голосования – что важнее?

Начать эту статью нужно с терминологии. В российских законах о выборах есть понятия «результаты выборов» и «итоги голосования», но они не расшифровываются. И

часто даются просто через запятую. На самом деле между ними есть существенная разница.

Итоги голосования – это те числа, которые фиксируются в итоговых протоколах избирательных комиссий. В первую очередь – сколько голосов получили кандидаты или партии, сколько недействительных бюллетеней и т.п. Эти же данные можно представить в процентах (обычно – от числа проголосовавших избирателей).

А результаты выборов – это решение соответствующей избирательной комиссии о том, кто из кандидатов избран, а если выборы по партийным спискам – сколько мандатов получили партии, и кому конкретно эти мандаты достались.

Результаты выборов определяются итогами голосования, но не только ими – важную роль играет та совокупность правовых норм, которую обычно называют избирательной системой (в узком смысле этого понятия). Иными словами, при одних и тех же итогах голосования могут быть разные результаты выборов в зависимости от параметров избирательной системы. Например, при выборах по партийным спискам таковыми параметрами являются заградительный барьер и методика распределения мандатов.

То, что результаты выборов важны, спорить не приходится. Ибо они определяют состав избранного органа. Но я вижу, что многие политики и политологи пренебрежительно относятся собственно к итогам голосования, не считают, что они важны сами по себе. В их трактовке важно лишь, преодолела ли партия 5-процентный барьер или нет. А получила она 4,5% или 1% – не важно. А на выборах по одномандатным округам им важно только, кто победил. А какое место занял проигравший кандидат и сколько голосов он получил – 30% или 4% – не важно.

Из этой трактовки следуют и их рекомендации. Голосовать только за ту партию, которая гарантированно попадет в Госдуму. Голосовать за того оппозиционного кандидата, который имеет наибольшие шансы на победу.

Иногда такая тактика верная. Но далеко не всегда. Ибо тактика должна подчиняться стратегии. И «тактическому» голосованию я предпочитаю голосование «стратегическое». На мой взгляд, умное голосование должно быть именно стратегическим.

Я полагаю, что здесь очень важен правильный прогноз. Если он говорит о том, что выборы могут стать «опрокидывающими», то есть имеется хороший шанс лишить доминирующую партию большинства, тогда описанная выше тактика – правильная. Тогда приходится отбрасывать собственные предпочтения и голосовать за тех, у кого больше шансов, ибо прекращение доминирования одной партии в данном случае важнее.

Но если шансов на такой исход крайне мало, то нужно думать о более далекой перспективе. И голосовать так, чтобы укреплять позиции тех партий, за которыми хочется видеть будущее.

И с точки зрения такого подхода итоги голосования имеют важное значение.

Для начала стоит напомнить, что, помимо прохождения в Госдуму, итоги голосования влияют еще на некоторые решения. Так, преодоление на выборах в Госдуму 3-процентного барьера дает партии сразу два бонуса. Во-первых, она получает государственное финансирование, которое обеспечивает определенную финансовую устойчивость и ослабляет зависимость от спонсоров. Во-вторых, она получает право регистрировать своих кандидатов и списки без сбора подписей по всей стране. И это крайне важно. Ибо забраковать подписи (при желании власти) можно у любого, и это подтверждает практика. Поэтому освобождение от сбора подписей дает партии возможность более широко участвовать в региональных и муниципальных выборах.

Аналогичное значение имеет преодоление 3-процентного барьера на региональных выборах. Оно дает освобождение от сбора подписей в масштабе соответствующего региона.

Однако даже без учета этих существенных нюансов итоги голосования важны для дальнейшей судьбы партии или кандидата. Чем больше партия или кандидат получили голосов, тем лучше их стартовое положение на следующих выборах. Как партии, так и

кандидату нужно собрать актив, который будет на них работать в ходе кампании, и получить финансовую поддержку. И то, и другое сильно зависит от их перспектив на успех. А перспективы эти зависят в том числе и от предыдущих результатов.

Если партии немного не хватило для преодоления 5-процентного барьера, если кандидат лишь немного уступил победителю, потенциальным активистам и спонсорам легче поверить, что в этот раз будет успех. И потому им легче привлечь и актив, и деньги. А если партия висит где-то на уровне 1%, а кандидат – на уровне 5%, то кто поверит в их будущий успех?

Ну и конечно, для кандидатов важен возраст. Поддержать молодых и перспективных – это неплохой вклад в будущую победу.

О распределении мандатов и «перераспределении голосов»

В ряде выступлений и комментариев повторяется уже набившее оскомину утверждение, что якобы голоса, поданные за партии, не преодолевшие пятипроцентный барьер, «перераспределяются прошедшим партиям». Иногда даже можно встретить утверждение, что все эти голоса достанутся «Единой России».

Наверняка многие понимают условность этого утверждения. Но я вижу, что некоторые воспринимают его буквально: как будто действительно кто-то физически перераспределяет голоса.

С юридической точки зрения такое утверждение – полная чушь. Никто ничьи голоса никому не передает. Голоса, поданные за партии, не преодолевшие пятипроцентный барьер, просто не учитываются при распределении мандатов.

Но политологи любят говорить, что голоса «перераспределяются». Я это воспринимаю как образное выражение, нечто вроде рогов у обманутого мужа. Смысл его можно понять так: если за 100% принимать не сумму голосов за прошедшие партии, как это реально считается по закону, а сумму голосов за все партии, тогда проценты, поданные за не прошедшие партии, переходят к прошедшим в той же пропорции, как за них проголосовали избиратели. Если, скажем, за партию А проголосовали 50%, за партии Б и В – по 20% и за партию Г – 10%, то в такой интерпретации половина голосов за не прошедшие партии как бы достается партии А, пятая часть – партии Б, пятая часть – партии В и десятая часть – партии Г.

Повторяю: это не реальное «перераспределение», а некий условный образ. Гораздо более точно будет сказать, что голоса за эти партии просто пропадают.

Но образ этот слишком активно используется в пропаганде: людей, которые хотят голосовать за партии, которым предсказывают непопадание в Думу, пугают тем, что их голос «достанется единороссам».

Но если мы хотим понять, какой эффект будут иметь те или иные действия, нужно, во-первых, оценить их масштаб, а во-вторых, понять, с чем мы сравниваем.

Попробуем провести модельный эксперимент. Возьмем данные, близкие к результату выборов 2011 года (мне кажется, сейчас мы ближе именно к ситуации 2011 года, а не 2016), но для простоты еще округлим их.

Итак, партия А получила 30 млн голосов, партия Б – 12 млн, партия В – 9 млн, партия Г – 8 млн, партия Д – 2 млн, остальные партии плюс недействительные бюллетени – 4 млн. Итого приняли участие в голосовании 65 млн.

Партия Д и остальные партии барьер не преодолели, учитываются только 59 млн голосов за четыре партии, и мандаты распределяются между ними: партия А – 114, партия Б – 46, партия В – 34, партия Г – 31. Будем считать это нулевым вариантом.

А теперь представим себе, что добавился еще один миллион проголосовавших. Вариант первый: все они проголосовали за партию Д. В результате у партии Д получилось 3 млн голосов, но это только 4,5%. По-прежнему мандаты распределяются между четырьмя партиями, и учитываются только 59 млн голосов. То есть с точки зрения

распределения мандатов ничего не изменилось, добавившийся миллион голосов никакого влияния не оказал. Голоса никак не перераспределились, они просто пропали.

Но вот вариант второй: все они проголосовали за партию Б. Тогда ситуация меняется. У партии Б теперь 13 миллионов, учитываются 60 млн голосов, поданных за четыре партии. И в этом случае партия А получает 112 мандатов, партия Б – 49, партия В – те же 34, а партия Г – 30. То есть по сравнению с нулевым вариантом (и с первым) партия Б получает три дополнительных мандата – один она отнимет у партии Г и два – у партии А.

Существенное ли это изменение? Если бы выборы были чисто по пропорциональной системе, то можно было бы сказать, что существенное. В нулевом и первом варианте у партии А более половины мандатов, во втором – менее половины. Но у нас смешанная система, и по всем прогнозам партия А сохранит большинство за счет одномандатников.

А так можно просто констатировать, что миллион избирателей, которые предпочли проголосовать за партию Д вместо гарантированно проходившей в Думу партии Б, тем самым подарили два мандата партии А и один мандат партии Г (это достаточно случайно, мог сложиться и иной расклад, но партии А хотя бы один лишний мандат в любом случае достался). Так говорить было бы корректнее, чем о «перераспределении голосов».

А теперь пойдем дальше и представим себе, что по сравнению с нулевым вариантом добавились не один, а два миллиона голосов. Опять рассмотрим два варианта.

Вариант третий: все два миллиона проголосовали за партию Д. Тут уже ситуация существенно иная. В голосовании теперь приняли участие 67 млн, и у партии Д теперь 4 млн голосов, то есть 6%. Ура! Партия Д преодолевает барьер! Теперь учитываются 63 млн голосов, и мандаты распределяются между пятью партиями. Партия А получает 107 мандатов, партия Б – 43, партия В – 32, партия Г – 29, и у партии Д будет 14 мандатов.

Вариант четвертый: все два миллиона проголосовали за партию Б. Мандаты, как и в нулевом варианте, распределяются между четырьмя партиями, и партия А получает 111 мандатов, партия Б – 52, партия В – 33, партия Г – 29.

Так что пусть те, кто ставит целью нанести наибольший урон партии А, сравнят, какой вариант голосования выгоднее.

Нетрудно понять: если добавится миллион, то с точки зрения нанесения максимального ущерба партии А лучше голосовать за партию Б, а если два миллиона – то за партию Д.

Но я полагаю, что нанесение максимального урона партии А – не самая правильная цель. Я уже писал ранее, что надо думать о будущем. И если Вы видите будущее за партией Д, а не Б, то правильнее в любом случае голосовать за партию Д.

Но я здесь постарался показать, что голосование за партию Д не противоречит той не самой благородной, но тем не менее часто выставляемой цели – нанести максимальный урон партии А. Просто тут важно, чтобы за партию Д проголосовало достаточное число граждан. Задача трудная, но решаемая.

Как голосовать по партийным спискам?

Итак, мой цикл статей о важности голосования на выборах 2021 года близится к завершению. Осталось обсудить, как голосовать по партийным спискам и по одномандатным округам.

Многие избиратели голосуют одинаково – за список партии по одному бюллетеню и за ее же кандидата по другому. Это нормально и часто наиболее правильно. Правда, иногда так не получается, поскольку кандидата от предпочтительной партии в бюллетене нет.

Но все же не зря у нас два бюллетеня. И принципы выбора партии и кандидата все же немного различаются.

Особенно это проявляется при тактическом голосовании. Не случайно один из самых ярких политиков на выборах по партийным спискам (2011 года) выдвинул лозунг

«за любую другую партию», а при выборах по мажоритарной системе (Мосгордума 2019 года) – предложил другую тактику: консолидировано голосовать за одного выбранного им кандидата («умное голосование»). Такие различия в тактике как раз и отражают специфику голосования за партии и кандидатов. В первом случае проходят 4–6 списков, поэтому разбиение голосов не критично. Во втором случае победитель один, поэтому для победы нужна консолидация.

В этом разделе я буду обсуждать выборы по партийным спискам.

Для меня голосование по партийным спискам – это прежде всего поддержка лидеров партии и того курса, которым партия следовала последние годы. Во вторую очередь – поддержка лидеров той региональной группы, к которой относится мой округ.

Именно поэтому я не считаю для себя возможным голосовать на выборах в Госдуму за какую-либо из парламентских партий, которые дружно поддерживали репрессивные законы. В том числе и тот закон, из-за которого я вынужден каждую свою публикацию сопровождать припиской о том, что движение «Голос» включено в реестр «иностранных агентов». Как я писал некоторое время назад, закон этот безобразен не только с политической, но и с юридической точки зрения.

Для меня сейчас главный вопрос – прекращение репрессивной политики. И я вижу только одну партию из числа участвующих в выборах в Госдуму, которая эту политику последовательно критикует.

Некоторые коллеги считают, что голосовать надо только за те партии, которые гарантированно проходят в Думу. Частично я ответил на этот тезис в разделе «Результаты выборов и итоги голосования – что важнее?», где объяснял, почему важно поддержать партию, даже если она не пройдет.

Здесь добавлю лишь то, что не всегда можно точно предсказать, пройдет партия или не пройдет. Опросная социология не всегда точна и часто имеет непредсказуемую динамику, а результаты опросов у нас публикуются не позднее чем за пять дней до дня голосования.

И здесь, увы, иногда возникает эффект самосбывающегося пророчества, когда партия не преодолевает барьер именно потому, что ей так предсказали и избиратели-тактики в это поверили.

Поэтому если есть партия, за которую стоит голосовать, а все другие заведомо хуже, то надо голосовать именно за эту партию. Да, есть риск, что она не пройдет, но, отказавшись голосовать за нее, мы губим ее своими руками.

Отмечу в заключение, что эти рассуждения касаются в первую очередь выборов в Госдуму. На выборах региональных и муниципальных выборах по партийным спискам ситуация может быть иной. Там и вопросы, находящиеся в компетенции соответствующего органа, другие, и лидеры региональных отделений партий могут сильно отличаться от лидеров самой партии (вспомним того же Фургала).

То есть общий подход должен быть такой же, но конкретный выбор зависит от местной специфики.

И снова о том, есть ли за кого голосовать

В ответ на одну из моих статей, где я рекомендовал «голосовать так, чтобы укреплять позиции тех партий, за которыми хочется видеть будущее», пришел комментарий: «Вот лично мне ни за одной из них не хочется видеть будущее. Мне не про все партии так уж много известно, но в той мере, в которой что-то известно, в той и не хочется».

Конечно, чем больше знаешь, тем больше недостатков видишь. Но надо уметь видеть и достоинства.

В ответ мне сначала хочется процитировать свою статью десятилетней давности:

«Конечно, все партии имеют свои недостатки. Но идеал недостижим. Невеста, ждущая идеального жениха, рискует остаться старой девой. Избиратель, не желающий

выбирать между реальными, а не идеальными партиями, помогает больше всего тем, кого сильнее всех не любит».

Я полагаю, что идеальных партий не бывает нигде. Во главе партий стоят конкретные люди со своими слабостями и недостатками. Но у нас в России добавляются еще два фактора. Во-первых, низкая правовая культура, отсутствие опыта позитивного политического взаимодействия. Во-вторых, условия, в которые партии поставлены законодателями, администрацией и т.п., их вынужденное приспособление к этим условиям.

Из этого и надо исходить. И стараться укреплять позиции тех партий, которые нам ближе. Учитывая при этом, что чем больше у партии поддержка избирателей, тем смелее могут действовать их лидеры, тем с большим успехом они могут противостоять административному давлению.

Основные партии имеют достаточно выраженные политические позиции по всем главным вопросам нашей политики. Из них в первую очередь и надо исходить. Какие позиции ближе – те и надо поддерживать. А личные слабости партийных лидеров или недостатки внутренней организации партии – дело преходящее.

Этот цикл статей задуман как просветительский и ни в коем случае не агитационный. Поэтому я не хочу называть конкретные партии. Однако без примеров обойтись трудно. Но я все же не буду называть партию, которая мне ближе всего. Думаю, что читатель легко догадается, особенно если он – мой единомышленник.

Есть партия, которая в той или иной форме существует уже 28 лет. За это время было всякое. Сколько раз я злился на ее лидеров, критиковал их, иногда очень жестко. То за неуместные компромиссы, то за отказ от разумных компромиссов. То за излишнюю резкость, то за примиренчество. Я неоднократно голосовал за нее, но не раз отказывался ее поддерживать, выбирая другие партии.

Да, было всякое. Но партия (в отличие от других близких ей) выжила в наших тяжелейших условиях и сохранила и основной костяк активистов, и основные политические позиции. Среди участников думских выборов она – единственная, в чьей общей демократической направленности нет сомнений. Поэтому я считаю, что сегодня нужно поддержать ее. Задача-максимум – чтобы она преодолела пятипроцентный барьер и попала в Думу (для этого нужно всего лишь четыре, а может быть даже и три миллиона голосов). Задача-минимум – преодоление трехпроцентного барьера, чтобы она получила государственное финансирование и право по всей стране регистрировать кандидатов и списки без сбора подписей.

Но кому-то может быть ближе другая партия. Есть совсем новая партия, есть партия, пять лет назад сменившая бренд, а в этот раз сменившая лидеров списка. Возможно, кто-то видит за ними будущее. Но я пока не вижу у этих партий четких позиций по тем вопросам, которые волнуют меня. И потому мне непонятно, как они поведут себя, если попадут в Думу.

Но выбор – за вами.

Как голосовать по одномандатным округам?

В предыдущих разделах я обсуждал, как голосовать по партийным спискам. Сейчас пришла очередь обсудить голосование по одномандатным округам.

Разница в подходах определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, по партийным спискам при 5-процентом барьере проходят обычно 4–6 партий (это опыт не только выборов в Госдуму, но и в региональные парламенты). Поэтому умеренное дробление оппозиционных голосов обычно не страшно. А по одномандатным округам для победы нужна консолидация оппозиционных голосов.

Во-вторых, голосование за список – это в первую очередь голосование за лидеров партии и определяемый ими курс. Голосование в одномандатном округе – это голосование

за конкретного кандидата, который может иметь свою позицию, в какой-то степени отличающуюся от позиции партийного руководства.

В частности, я писал в одном из предыдущих разделов, что для меня неприемлема позиция всех парламентских партий, поддержавших последний закон об «иностранных агентах» (имеется в виду Федеральный закон от 30.12.2020 № 481-ФЗ). Но я смотрел, как голосуют депутаты. Например, в третьем чтении за проект не голосовали 12 депутатов от КПРФ (из 42), 6 депутатов от «Справедливой России» (из 23), 4 депутата от ЛДПР (из 40, причем один прямо голосовал против).

Иными словами, даже если партия в целом ведет себя неприлично, отдельные депутаты от нее могут оказаться вполне приличными. И за них можно голосовать.

Дополнительный момент. Кандидат может оказаться специалистом в какой-то важной сфере, выдвигающим в этой сфере вполне приемлемые идеи. И тогда голосование за него – это поддержка данных идей, поддержка его избрания с тем, чтобы он мог продвигать эти идеи в Думе.

Как совместить эти два фактора? Консолидация голосов требует, чтобы кто-то авторитетный определил в каждом округе кандидата, за которого нужно дружно проголосовать всем оппозиционно настроенным избирателям. На эту роль претендует команда, придумавшая «умное голосование». И если бы эта команда выбирала с учетом позиции кандидатов, с учетом их полезности в будущей Думе, совмещение было бы полным.

Но мы неоднократно слышали, что они собираются выбирать кандидатов по принципу у кого больше потенциальная поддержка. А это все же другой подход. Нельзя сказать, что эти подходы совсем противоположны. Кандидат, у которого большая поддержка, – это часто кандидат, умеющий привлечь не только ядерный электорат своей партии, но и людей с разными убеждениями. То есть это, скорее всего, политик с широкими взглядами.

И если нам предлагают консолидировано голосовать за такого кандидата – почему бы и нет?

Но может оказаться (это я теоретически допускаю), что предлагаемый кандидат – упертый мракобес. За такого голосовать не стоит, даже если у него больше, чем у других, шансов на победу. Ибо что нам даст избрание такого кандидата? Да, наверное, власти будет не очень приятно, что прошел не ее ставленник. Но с мракобесом нынешняя власть быстро найдет общий язык, и нам от его избрания легче не будет.

Поэтому я бы советовал обращать внимание на рекомендации УГ, но окончательное решение принимать самостоятельно.

Напомню тезис одного из предыдущих разделов. Нам важно думать не только о текущих выборах, но и об укреплении позиций близких нам политиков на будущее. Поэтому если есть перспективный политик (особенно если он молодой) – пусть у него сейчас еще нет такой поддержки, как у тяжеловеса-мракобеса, – стоит голосовать за него. Мне бы очень хотелось, чтобы команда, предлагающая УГ, учитывала этот момент. Но если она все же предпочтет тяжеловеса-мракобеса, я бы такой рекомендации не последовал.

С другой стороны, я не считаю правильным слепо поддерживать в округе представителя той партии, за которую вы голосуете по партийным спискам. Если этот представитель яркий, умный, активный – тогда да, тогда за него можно голосовать, даже вопреки рекомендациям УГ. Но голосовать за бесцветного пассивного кандидата только за то, что его выдвинула хорошая партия, нет смысла.

В общем, выбирать – это непростая работа, но только осознанный выбор делает нас гражданами.

Аркадий Любарев
1–15 сентября 2021 года